

ПЕРВОСНЕЖЬЕ

1990 – 2007

ИГОРЬ ВИШНЕВЕЦКИЙ

Игорь Георгиевич Вишневецкий

Первоснежье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27050997

Первоснежье Книга стихотворений 1990 – 2007 :

ISBN 978-5-91627-009-9

Аннотация

Новая книга стихов и эссеистики Игоря Вишневецкого, поэта, живущего в России и США, может показаться космополитичной – картинки заграницы настолько мирно соседствуют с родными пейзажами, что можно подумать, что ментальные противоречия давно преодолены и перемещение по миру есть дело сугубо транспортное. Однако при первых попытках чтения и привыкания к авторской интонации возникает тревожное чувство оставленности, одиночества человека для которого окружающий мир стал хорошим знакомым, добрым приятелем, на которого вряд ли можно положиться. Зыбкость внешнего бытия уравнивается лишь гравитацией – привязанностью поэта к земле и как следствие к традициям земли, на которой ему выпало в настоящий момент находиться. Из обманчивой красочности мира он выбирает черно-белый абрис ранней зимы, суровую красоту первого снега на сырой земле. Очерки, посвященные его великим современникам (М.Гаспарову, В.Топорову, И.Бродскому, Г.Айги) подводят черту под написанным, окончательно расставляя акценты

предложенной поэзии – автор безбоязненно выбирает путь, подвергающий сомнению все, кроме глубинной основы жизни, по мере сил продолжает начатое его учителями, исполняя таким образом долг перед русской культурой.

Содержание

Капитан ирреальной субмарины	6
стихотворения 1990 – 2007	20
I	20
«Твои буквы азъ и глаголь...»	20
Местность	21
«Как я боялся – о! – окаменеть...»	22
Первоснежье	23
Царство	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Игорь Вишневецкий

Первоснежье Книга

стихотворений 1990 – 2007

Этот сборник складывался семнадцать лет на полях других моих книг. Так что результат vizвестном смысле юноша. Хотя образ первого снега и связан с началом зрелости.

В двоении – между юношеским чувством изрелостью формы – весь нерв «Первоснежья».

И. В.

Капитан ирреальной субмарины

«Поэт – существо, отказывающееся быть «просто человеком» и оттого недо- и сверхчеловеческое одновременно. Поэт – существо видящее, слышащее и понимающее все сразу, глядящее вперед и назад за границы доступного, охватывающее в мгновение ока сотни стоп-кадров, слышащее ультразвук. Словом, поэт – существо, близкое к идеальному, прямо-таки райскому состоянию, но часто не способное выразить себя понятными остальным словами», пишет Вишневецкий в одном из очерков этой книги. И хотя речь в статье идет о другом человеке, слова эти отчасти можно отнести и к нему самому. Отчасти – потому что «выразить себя внятыми словами» он может. Удивительная членораздельность речи, выпестованная, видимо, многолетней преподавательской деятельностью, сделала из него не только поэта, но и значительного историка культуры, на чьи работы принято обращать внимание в профессиональной среде. «Раздельная черта между творчеством и аналитическим осмыслением не столь значима», поэт лишается напускной загадочности, избавляется от позерства и артистизма, призванных заполнить недоволенность любой творческой натуры. Он может не только ставить вопросы, но и отвечать на них по мере сил. Поэзии этого явно не хватает: образы чудака, фантазера, гуляки, перекочевывавшие к нам из романти-

ческой эпохи, довлеют репутации сочинителя, отвечающего за свои слова и способного объяснить собственные и чужие тексты. Трезвость подхода востребована хотя бы потому, что поэзия в лучших формах остается безумием, попытаться сделать это безумие контролируемым – задача вполне почетная. К сожалению, западный индивидуализм, практика пребывания поэта при кампусе и т. п. – не выход – результаты слишком схожи между собой, индивидуалы на поверку оказываются на одно лицо, сообщества мыслящих тростников превращаются в клубы по интересам типа кружков нумизматики или преферанса. Очевидно, в монастырской келье шансов на успех больше, хотя общество стремительно забывает понятия «молитвы», «жертвы», «поста». Утрата чувства социального самосохранения, невозможность решить вопросы бытия в легкую, постоянная подмена жизни деятельностью ради деятельности, приводят к моральным уродствам, которыми затронуты уже целые народы и материки. Представленная вашему вниманию книга в основном написана в сербском православном монастыре Новая Грачаница в Северном Иллинойсе, о чем, думаю, не догадаться. Разумеется, это не рецепт творчества, а лишь одна из его многочисленных возможностей.

«...Фауст: «В испытании себя
теперь дойти ты должен до предела.
Ты дважды сам оставил континент,
который сзади – цоканьем и эхом –

накатывал, но не смирил тебя.

Теперь ты сам – мерило всем пространствам.

Что перед смертью назовёшь? Стихи?»

По достижении сорокалетия Вишневецкий вздумал было оставить поэзию, приняв своего рода творческую аскезу. Что в этом выборе сыграло решающую роль, сказать трудно. Магия чисел? Чрезмерное доверие к собственной зрелости? Желание найти себя в другой работе, более нужной людям? Я всерьез его слов не принял, посчитав их минутной слабостью. Трагический отпечаток немоты в его глазах не отсвечивал – опыт общения с людьми «замолкшей музыки» у меня был, но Игорь по каким-то параметрам в это невеселое племя не вписывался. «Тени зримые смешались, и немота вошла в меня на треть»; «как тепло подыматься до крайней точки, о немота», – это эмпирический уровень отношений, на треть – еще не так страшно. В России поэт – существо традиционно молодое, что объясняется нашим безоглядным темпераментом или молодостью культуры (что в общем одно и то же). Фигуры Гомера или Блейка смотрятся как нечто невозможно монументальное – из других времен. Между тем, стереотипов массового сознания по отношению к поэзии практически не существует, на эстраде и в спорте возраст играет более существенную роль. С некоторых пор я полюбил ссылаться на биографию Уильяма Батлера Йейтса, написавшего лучшие свои работы после сорока (даже после Нобелевской

премии, полученной поэтом в 58 лет). Культура испытывает нехватку зрелых стихотворцев, эмоции юности переключались в другие жанры.

«Без имени, как ветер в тополях
и лепеты взвизываемого праха,
я горло зажимаю не от взмаха
крушащего, а от того, что взмах

меня давно уж выбросил туда,
где дышат существа иного толка,
и только мысль, как лёгкая иголка,
латая жизнь, снуёт туда-сюда».

Собственно, что такое зрелость? Это когда человек перестаёт якать, понимая, что окружающая его вселенная бесконечно интереснее его самого. К некоторым священным книгам можно прикасаться лишь после сорока. Сорок лет было Исааку, когда он взял себе в жены Ревекку; Моисей отправляет сорокалетнего Иисуса На-вина из Кадес-Варни осмотреть землю; странствование евреев по пустыне продолжалось сорок лет. Существует мнение, что с возрастом в поэте что-то умирает. Многие идут на компромисс, ставя религию, философию или политику выше поэзии. Возможно, люди с годами попросту теряют веру: муза превращается в обыкновенную супругу, уйти от которой мешает чувство долга и любимые дети. Вишневцевскому удалось это преодолеть, он вер-

нулся из Америки в Россию, обратился к музыковедению, написал пару книг о композиторах первой половины XX века.

«...в том пространстве, где жгучей пылью
провевает ноябрь в молоке
у реки парк, сгорело кольцо
на какой сама знаешь руке».

Кризис был не столь страшен хотя бы потому, что у Игоря «про запас» оставалась оставленная когда-то страна, в которую мы с синхронной независимостью несколько лет назад засобирались возвращаться.

«Я, беспечная, шла мимо парка, когда
налетели союзники.

Те три дня провела я внутри
выгорающей розы металла и камня,
удушающе сдавливавшего сознание;

я не знала ещё, что очнусь в Нью-Йорке.—

Вот теперь вам известна вся моя жизнь».

(из *Dichtung und Wahrheit: Dresden, 1945*)

Кого-то заносит в Америку ветер «бойни номер пять», кого-то — лишь любопытство, желание испытать себя. У нас за

плечами оставался огромный, плодородный тыл, требующий внимания и осмысления, родина, которую, как нам казалось, мы покинули навсегда. Глупо потратить остаток жизни, скитаясь по заграницам. Зачем ходить по чужим дорогам, когда не пройдены те, что написаны на роду? Переселение в пределы чужой цивилизации – занятие трудное лишь на первых порах (не то чтобы потом оно превращается в профессию), и дело даже не в получении работы и обретении социальной ниши. Существенно то, что с некоторого времени чужая земля обживается настолько, что становится тебе родной – хороший шанс остаться в ладах со своим цивилизационным кодом. Нечто близкое к обряду инициации. Эта крайняя степень адаптации избавляет от туризма, как основного стиля жизни, от изгнанничества, поиска лучшей доли. Любовь к «вполне безлюдному» простору, лишенному зачатков гуманитарности, и поэтому более восприимчивому к литературной работе, думаю, мы принесли из России. Серьезные отношения с землей в Новом свете остались разве что у коренных американцев, для бледнолицых коллег эта привязанность стала лишь пустым звуком. Не вызвала она сочувствия и у бывших соотечественников, в основной своей массе дружески встреченных тамошним государством. Люди приходили на наши поэтические вечера, но к признанию в любви к Америке отнеслись с подозрением. Земля, источник жизни, мать всего живого, одна из основных «стихий», наряду с «водой, воздухом и огнем» горожанину чужда и враждебна.

«Каждый год в апреле полчища непарного шелкопряда
облепляют
дубовые листья в горных чащобах Виргинии –
выдутые полтора столетия тому из трепещущей
чашки Петри,
позабывтой беспечно на подоконнике массачусетского
дома
энтомологом Трувелло.

Он потом возвратился во Францию, стал астрономом.
Конфигурации солнц надёжнее хищных повадок
чешуекрылых,
ворвавшихся в воздух, в леса и холмы,
веемых ветром желанья
на юг и на запад, где время горит порыжело.

Впрочем, Ксения говорит, на любовь есть управа –
любовь».

(из «Весны в Аппалачах»)

Поход русских на Запад, новая эпоха захватов, замаскиро-
ванная под экономическую миграцию, будь то работа в вы-
числительном центре, университете или воровском общаке,
дает, судя по всему, возможность влияния, приобщения и в
недалеком будущем выработки у населения нового отноше-
ния к России. Посев доброго, разумного, вечного начался – в
конце концов, мы живем у них, а не они – у нас. Узнав об отъ-

езде Вишневецкого, академик Топоров обронил мимоходом: «Опираясь на опыт друзей, шикарной жизни я вам не обещаю (так вот и сказал: “я вам не обещаю”), но возможность писать у вас будет». Он был прав: у нас не только появилось время, чтобы писать, но и объект, который стоит описывать. Быть на разломе мира в момент его кристаллизации – лучший подарок судьбы.

«Крепче духом: отныне пределы
завоёванной вами державы
совпадают с пределами мира».

(из «Александр – воинам»)

В книге вообще много путешествий, осенённых лёгкой тоской по ушедшей молодости. Петербург, Венеция, Сан-Диего, образы тех, кому была адресована лирика, и умерших друзей и коллег всплывают на её страницах, хотя минувшее вряд ли всерьёз отделено от настоящего. Создается впечатление, что все, что было оставлено движется рядом: таковы некрологи автора по людям, оказавшим на его творчество существенное влияние, они превращаются в разговоры с учителями. Михаил Гаспаров, Владимир Топоров, покойный друг Игоря Василий Кондратьев незримо присутствовали бы здесь, даже не будь в тексте прямой отсылки к их именам. «Вызов высочайшего уровня и длящийся многие годы ответ». В реквиеме Гаспарову Вишневецкий высказывает мысль, которая, на мой взгляд, нашим поэтическим

миром, настроенным в основном эволюционистски, еще не вполне осмыслена. «Сейчас уже понятно, что между консервативной и революционной позициями нет фундаментального различия, что обе признают природу человека неизменной, и то, что консерватизм стремится удержать, революция путем полного оборота (от лат. *revolutio*) стремится очистить от шлака». Расизм начинается, когда природу человека пытаются изменить, навязывая ей политические доктрины или поэтические просодии (не путать с ницшеанским «преодолением человека»), идущие вразрез с предустановленными архетипическими характерами, распространяющимися на любое устойчивое общество. Разрушение иерархии, смешение ориентиров в контексте навязываемой многокультурности ведет к разрушению искусства – надо отдать должное тому, с каким упорством оно уже который век сопротивляется под натиском интернациональных парий. В этом смысле Вишневецкого нельзя назвать «поэтическим старовером», если, конечно, ощущение гармоничности мира еще не стало признаком закостенелой консервативности. Удивительно, что позиция эстетическая неукоснительно определяет поведение этическое, даже политическое (Лорка по этому поводу говорил, что он придерживается левых взглядов, хотя бы, потому что сердце человека находится слева).

«Теперь всё уже свершилось:
твоя и моя Европа

опустилась в надир;
и если сухое пламя
окрашивает кресты
в армянском монастыре на Острове Прокажённых,
то это лишь загоризонтный
свет.

Война полыхает в подбрюшье.
Ангел с разящим мечом взошёл на вершину Хермона.
Щёлкают клювы фантомов.
Сера кипит из щелей».

(из «Без рифм»)

Эмоциональная насыщенность текста создается плотностью семантического и звукового рядов, часто приближая строку к уровню афоризма. И всё-таки изначально именно эмоция – впоследствии она шлифуется, возглас вымарывается, превращаясь в каркас, стягиваясь тисками формы, принимающей то рифмованное, то раскованное состояние, но никогда не позволяет себе расслабляться. Прямая речь автора сменяется голосами вымышленных собеседников, которые не спорят, а скорее вторят ей, изменяя на сотую долю тембр звучания. Иногда кажется, что автор пишет один бесконечный текст, изредка переключая свое внимание на различные предметы: для подобной поэзии запретных тем не существует, она не то чтобы всеядна, но в любой ситуации всегда найдёт чем поживиться. Находка (прежде всего ин-

тонационная) крайне производительна, но автор ей явно не злоупотребляет.

«Мой товарищ сидит, перекинув ногу за ногу: карманы
его

полны земли и воды,

песок запутался в волосах. В прокуренной комнате
плавают призраки света,

как если бы город, включая снежащую улицу с дугами
серных вспышек, сползал под надломленный лёд».

«В зимний дождь вспоминаю всегда о тебе,

как взрывались петарды за окнами, то, как фонтан
шелестел, —

всё почти невозможное счастье на бедной
Мария-дей-Монти».

Избирательность чувств, их выделенность, отдельность, расчлененность смотрится еще эффектнее в завораживающем потоке заговора: ряд голых стволов на ветру, первые приметы зимы с росчерками первоснежья. Темной тени идеологии на заднем плане не почти ощущается — стихи по преимуществу лирические. Симпатию к традиционализму я бы объяснил хорошим вкусом автора и просто ответственным отношением к поэтике, которую можно рассматривать в контексте евразийского проекта (поскольку она чувствительна к географии), но которая с таким же правом принадлежит любому сознанию, различающему восток от запада, а

север от юга. Если поэт – существо райского состояния – то компас должен быть основой его вестибулярного аппарата. В славянской мифологии восток – жилище Бога, запад – дьявола; может быть, это и не так, но разница, заметьте, существует принципиальная.

«...и нет высоты, с которой глядеть,
когда забирает дух:
одна лишь февральская стынь на восток,
на север и запад; и на замок
ненужные зренье и слух

запереть остаётся...»

Приметы райской жизни, увы, далеки от блаженства, но оно, возможно, и должно отличаться от растительного прозябания. Пограничный скиф считает наслаждением пронзительный ветер, дующий ему в лицо, когда «зияние радует глаз изгибами линий». Я уже обмолвился, что поэт, пишущий о предмете своего обожания (и подражания), обречен на самовыражение, поэтому осмелюсь продолжить немного измененной цитатой. «Неколебимость антисистемных убеждений Вишневецкого, его скромный, хотя, временами, и трагический, патриотизм, не афишируемая, но твёрдая вера, настойчивость и, конечно, страстность, сразу заметная в личном общении и во многом, им написанном, стали персональным ответом поэта на вызов тех условий, в которых он вы-

растал. Чисто идеологически он не вписывается до конца ни в одну из господствующих тенденций, будучи ориентированным на «ту подлинную реальность, которая противостоит духу «ненавистного разделения», которая умножает и углубляет слой святости в русской жизни вот уже тысячу лет и которая... никак не отменяет и не становится поперёк святости других народов».

В конце книги стоит очерк памяти Иосифа Бродского.

Мне жаль, что Игорь не преодолел некоторой предвзятости (стеснительности?), из-за которых его встреча с Бродским не состоялась. Круг интересов Иосифа Александровича выходил далеко за пределы авторского «я» поэта, распространяясь от вещей анекдотически бытовых до возвышенно теологических. Общение с ним могло бы «загрузить» человека, связавшего свою судьбу с литературой, на всю жизнь. Игорь предпочел остаться «капитаном ирреальной субмарины», как назвал его виргинский друг в одном из стихотворений этого сборника, и, в конце концов, лег на дно, чтобы всплывать иногда в разных частях мирового океана наподобие принца Даккара, возглавляющего восстание сипаев против британских колонизаторов. Несмотря на сюжетную законченность книг Жюль Верна, судьба капитана Немо до конца не описана, оставляя, таким образом, поле для дальнейших интерпретаций и, несомненно, заслуживает увлекательного продолжения.

Вадим Месяц
июнь 2008, Новодарьино

стихотворения 1990 – 2007

I

«Твои буквы азъ и глаголь...»

Твои буквы азъ и глаголь
 барабанной дробью в ушах
заметает сухая соль
 на покатых птичьих горах,

где с тобой мы бродили два
 долгих года тому назад.

Память входит в свои права
 и наводит прицельный взгляд

на ступенчатый спуск к воде.

 Там в иное время, в ином
колесе событий – но где? –
 нас трепал листоливенный гром.

А теперь только белый плат
 всюду, сколько охватит глаз,
да моргающий птичий свет

от реки, что летит дымясь.

Местность

В жизни другой я был бы наверное волком.
Пальто прирастает ко мне точно тканая шкура.
Сейчас на дворе время ржави,
и сыростью тянет из рек,
погребённых под Городом.

Зелёные лиры деревьев
приветствуют нас,
сам-друг с серой тенью
спускающихся по кольцу
потеплевших бульваров.

Зияние света радует глаз
изгибами линий.

В ночь, когда ты уехала, выпал снег,
наполняя ровным искреньем
покой.

Внутренний свет становится внешним,
набухая в буграх позвонков,
сквозь потёртости щёк и лодыжек.
Воздух оплотневает.

Лиры деревьев
в медной ржавчине – всё не слетевшей.
Твоя речь ещё на губах,
перебивчатый синтаксис – в сердце,
в зренье – селезни дымчатых масс
молока и лазури: как
мне укрыться в такой снегопад?
Хоть закусывай до крови губы
или, встав на задние, вой
на полдневное солнце.

Впрочем, я не волк – лишь стрелок
среди дымчатых серых курганов
и легко затеряюсь под их

домотканой защитой.

«Как я боялся – о! – окаменеть...»

Как я боялся – о! – окаменеть,
стать формой, которой бы дивились,
а вышло: тени зримые смешались,
и немота вошла в меня на треть.

Без имени, как ветер в тополях
и лепеты взвиваемого праха,
я горло зажимаю не от взмаха

крушащего, а от того, что взмах

меня давно уж выбросил туда,
где дышат существа иного толка,
и только мысль, как лёгкая иголка,
латая жизнь, снуёт туда-сюда.

Первоснежье

Не в зелёных, как сон, садах,
не в садах, что по брови в воде,
не в садах, одетых цветом во снах
или снегом наяву, – ах, в нигде,

в том пространстве, где жгучей пылью
провевает ноябрь в молоке
у реки парк, сгорело кольцо
на какой сама знаешь руке.

Так лети же на юг, где поют
птичьи горы и густая река,
где леса почти беззвучно текут
переливами росы-молока:

там люди не ведают букв,
вслед за летом приходит зима –
шкуру старую спаливши, на юг, в

изумление света-ума.

#

Если ты не будешь мой дом
беспокоить, то кто тогда? –
позвонок зацепив позвонком
и ребром о ребро, в холода

придавив, как рябины гроздь,
тем, что выпросталось из тугих
мышц, мою плечевую кость;
поддержав подымающий взмах

колебанием, выдох – вдо-
хом плотно прижатого рта.
Как тепло подыматься до
крайней точки, о немота,

где уже раскрываются сто –
на плечах и на рёбрах – век –
ласки выгибом, теплотой
ожигая метельный снег.

#

Ранней стужи стакан, будто водку пил,
поднимает внутри ветряками сил
прах отземный, гонит внастил.

Языками искристая недолга
заползает в край, где река, в снега
зарываясь, в нагие рога

протрубила, где утром, на рыжий свет
щурясь, смотрит лисица, где лыжный теряется след,
отзываясь сердцу в ответ.

И когда, потревожена звоном извне
об окно, питья в истомлённом сне
ты пригубишь в колёсах теней

серых птиц, пробегающих по щекам,
по спине и рукам – большей жаждой сам
я тогда развернусь на дне

твоей жажды.

Точно пожар спиртовой.

Царство

1. Мой товарищ сидит, перекинув ногу за ногу: карманы его

полны земли и воды,
песок запутался в волосах. В прокуренной комнате
плавают

призраки света,
как если бы город, включая снежащую улицу с дугами
серных вспышек, сползал под
надломленный лёд.

Разговор продолжается много часов. Я слышал его не раз,
словно бой заводных, повторяемых мерно зим:
это время вменяет

встать силуэтом в надколотом
зеркале и долго тереть рукавом
выпуклость глаз.

2. Как огонь высекают, пустив колебаньем в излив
мотылькового жара поверх гомонящей толпы,
о вешней воде – взламывающей застылость

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.